ПОСЛЕ СДЕЛАННЫХ ПОД ПЫТКАМИ «ПРИЗНАНИЙ» В ЗАСТЕНКАХ НКВД ЗНАМЕНИТЫЙ РЕЖИССЕР ВСЕВОЛОД МЕЙЕРХОЛЬД НАЗВАТЬ СЕБЯ ВИНОВНЫМ ОТКАЗАЛСЯ

ПАСТЕРНАКА И ШОСТАКОВИЧА Я НЕ ВЕРБОВАЛ

ДЕЛО №

В основе каждой публикации этой рубрики – конкретное уголовное дело из Центрального архива КГБ-ФСБ.

Рубрику ведет журналист, писатель Борис СОПЕЛЬНЯК

Чем была вызвана невероятная спешка, с которой арестовывали **Всеволода Мейерхольда**, что за мощные ветры просвистели в коридорах Лубянки, сейчас уже объяснить трудно, но столичные энкавэдэшники даже не стали дожидаться возвращения режиссера в Москву, а приказали немедленно арестовать его ленинградским коллегам. 20 июня 1939 года Мейерхольда взяли в его питерской квартире на набережной реки Карповки.

Я подрывал Большой и МХАТ

Юридическим обоснованием этой поспешной акции стало постановление на арест, подписанное **Берией** и его правой рукой, начальником следственной части НКВД, **Кобуловым**:

«Я, капитан государственной безопасности Голованов, нашел: имеющимся агентурным и следственным материалом Мейерхольд В. Э. изобличается как троцкист и подозрителен по шпионажу в пользу японской разведки. Установлено, что в течение ряда лет состоял в близких связях с руководителями контрреволюционных организаций правых – Бухариным и Рыковым. Арестованный японский шпион Иошида Иошимасу получил директиву связаться в Москве с Мейерхольдом. Установлена также связь Мейерхольда с британским подданным Грей, высланным в 1935 году из Советского Союза за шпионаж.

Исходя из вышеизложенного, постановил: Мейерхольда-Райха Всеволода Эмильевича арестовать и произвести в его квартире обыск».

На следующий день Всеволода Эмильевича бросили в печально известную **Внутреннюю тюрьму** и против него было возбуждено **дело № 537**. Из анкеты арестованного узнаем, что Всеволод Эмильевич родился в 1874 году в Пензе, по национальности немец, образование среднее, отец, который был купцом, умер, мать тоже. Жена – Зинаида Райх, актриса. Детей двое: Есенины Татьяна Сергеевна, 21 год, и Константин Сергеевич, 19 лет (Татьяна и Константин – дети Зинаиды Райх от ее брака с Сергеем Есениным. – Б.С.). Член ВКП(б) с 1918 года. Место работы – главный режиссер Государственного оперного театра имени Станиславского.

А потом начались допросы, которые шли днем и ночью. Уже через неделю следователи вынудили Мейерхольда написать заявление самому Берии. В этом заявлении он признал себя виновным в том, что «в 1923–1925 годах состоял в антисоветской троцкистской организации, которой руководили Бухарин, Радек и Рыков», сообщил, что «к шпионской работе его привлек английский подданный Фред Грей».

На следующих допросах следователи потребовали подробности вредительской деятельности Мейерхольда «в области искусства». И арестант «признавался».

– Должен признать, что моя антисоветская вредительская работа заключалась в нарушении государственной установки строить искусство, отражающее правду жизни, я же эту установку настойчиво и последовательно нарушал, строя искусство, извращающее действительность. И не только по линии своего театра. Я старался подорвать основы академических театров, особенно Большого и МХАТа. А когда возглавил организацию под названием «Левый фронт», охватывающую театр, кино, музыку, литературу и живопись, мое антисоветское влияние распространилось на таких моих учеников, как Сергей Эйзенштейн, Эраст Гарин, Николай Охлопков и ряд других.

– Что это за «ряд»? – возмутился следователь. – Назовите имена!

И Мейерхольд называл. Понимал ли он, что делает? Отдавал ли себе отчет в том, что по каждому названному имени тут же начнется оперативная разработка, что каждый из его друзей может оказаться в соседней камере? Вскоре мы получим ответы на эти вопросы, а пока же Мейерхольд продолжал «называть»: кинорежиссера **Ромма**, художника **Штернберга**, писателей **Юрия Олешу, Бориса Пастернака, Николая Эрдмана, Илью Эренбурга, Лидию Сейфуллину,** композиторов **Шостаковича, Шебалина** и многих, многих других. Попутно он «признался» и в том, что работал не только на английскую, но и на японскую разведку.

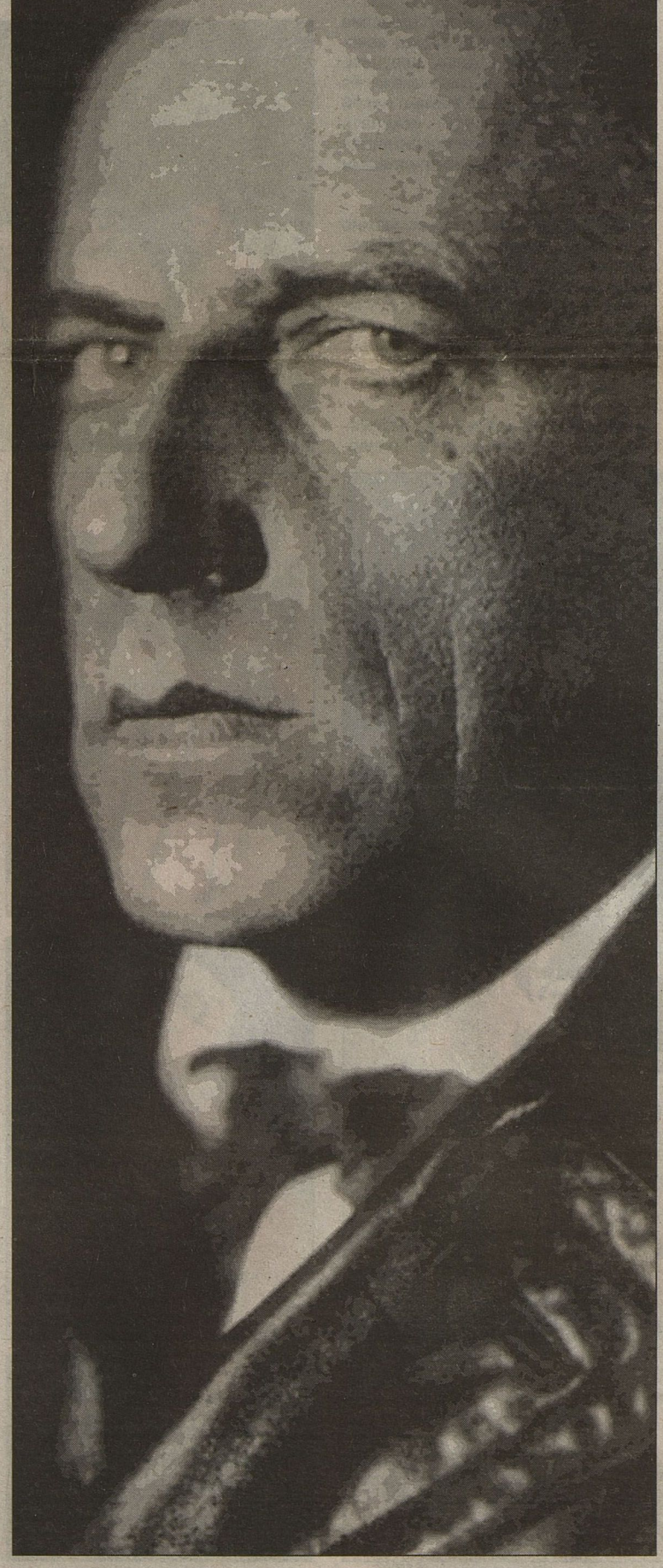
Не будешь писать – будем бить

После этого Всеволода Эмильевича на некоторое время оставили в покое и на допросы не вызывали, но… предложили написать собственноручные показания. И Мейерхольд засел за работу. Тридцать одна страница текста, написанного его рукой: строчки ломаные, слова раздерганные, – ясно, что даже карандаш держать ему было трудно. По большому счету, эти показания вовсе и не показания, а своеобразный творческий отчет. С какими людьми сводила его судьба, какие титаны мысли оказали на него влияние… Вы только вчитайтесь в перечень имен: Метерлинк, Пшебышевский, Белый, Брюсов, Бальмонт, Аннунцио…

Он рассказывает о парнасцах, символистах и акмеистах, о знаменитых «средах» у Вячеслава Иванова, об общении и совместной работе с Мережковским, Струве, Гиппиус, Ремизовым, Гумилевым, Волошиным и Сологубом. Встречи с Чеховым, Горьким, Бенуа, Добужинским, Сомовым, Билибиным, Блоком, Философовым, Комиссаржевской, Савиной!

То ли под влиянием этих воспоминаний, то ли по другим неведомым нам причинам, но в начале октября Мейерхольд решительно заявляет, что его показания не соответствуют действительности, что всех своих друзей он оговорил, «потому что в момент допроса находился в тяжелом психическом и моральном состоянии».

Следователи запаниковали – обвинение разваливалось, как карточный домик. А Всеволод Эмильевич потребовал бумагу и снова засел за собственноручные показания. Но теперь это были показания не сломленного, больного арестанта, а мужественного, все понявшего и принявшего решение человека. «Я путал имена и даты, переадресовывая события от одних лиц другим. Например, Рыков и Милютина однажды были у меня на квартире – этого было достаточно, чтобы я заявил, что встречался с Рыковым у Милютиных. А этого не было. То же и с Бухариным. Не могу ничего точно сказать и о Радеке… К своим ранее данным показаниям считаю долгом внести ряд добавлений, а главное, весьма существенных исправлений.



Илья Эренбург не вовлекал меня в троцкистскую организацию, и о недолговечности советской системы мы с ним не говорили. С Борисом Пастернаком я не вел никаких разговоров, направленных против партии и правительства. Ни в какую троцкистскую организацию я не вербовал ни Олешу, ни Пастернака, ни Сейфуллину, ни Федина, ни Кирсанова, ни Шостаковича, ни Шебалина, ни кого бы то ни было другого. И, конечно же, я ни с кем и никогда не говорил ни о каком терроре».

Но следователи продолжали гнуть свою линию. 27 октября 1939 года Мейерхольду предъявляется обвинительное заключение, в котором его по-прежнему называют кадровым троцкистом, а также агентом английской и японской разведок. Но Всеволод Эмильевич не сдается. Он пишет Молотову, Берии, прокурору, он опять отказывается от всех своих показаний и сообщает, что все они были даны под давлением. Вот как он описывает это самое «давление»:

«Меня клали на пол лицом вниз и били резиновыми жгутами по пяткам и по спине. Когда сидел на стуле, тоже резиной били по ногам, причем, по старым синякам и кровоподтекам, так что ноги превращались в кровавое месиво. Следователь все время твердил, угрожая: не будешь писать, будем опять бить, оставив нетронутыми голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного, окровавленного тела. И я все подписывал…»

Реабилитировать и вернуть

1 февраля 1940 года состоялось закрытое заседание **Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР** под председательством известного палача Ульриха. И хотя Мейерхольд виновным себя не признал, суд приговорил его к расстрелу. 2 февраля приговор был приведен в исполнение.

…Прошло пятнадцать лет. Все эти годы имя Всеволода Мейерхольда нигде никак не упоминалось, а если и упоминалось, то только как «врага народа» и, естественно, в назидание другим. Но с наступлением хрущевской «оттепели» российская интеллигенция встрепенулась: в самые разные инстанции полетели десятки писем с требованием реабилитировать Мейерхольда.

«Имя гениального Всеволода Мейерхольда, его выдающееся творческое наследие должны быть возвращены советскому народу. Д. Шостакович».

«Реабилитация Мейерхольда не только позволит обогатить историю советского театра, но и сыграет положительную роль в поведении художественных кругов Запада. И. Эренбург».

«Деятельность и имя Всеволода Эмильевича нельзя вычеркнуть из истории советской культуры. Гр. Александров».

«Беззаветная любовь к театру, горячая вера в то, что театр является могучим проводником передовых идей в народ, сильнейшим оружием в борьбе за светлое будущее, – вот что роднит Мейерхольда со всеми лучшими деятелями русского искусства. А. Яблочкина».

Писем так много, причем пространных и аргументированных, что привести их в этом материале просто невозможно. Но имена авторов я назову – ведь некоторые из этих людей, веди себя Мейерхольд иначе, навсегда могли бы исчезнуть в недрах ГУЛАГа. Это **Б. Пастернак, Э. Гарин, С. Кирсанов, В. Шкловский, Вс. Иванов, Н. Эрдман, Н. Акимов, Н. Охлопков, Н. Черкасов, В. Каверин, Н. Боголюбов, Н. Петров, В. Плучек, М. Жаров, В, Софроницкий, Б. Захава, М. Штраух, В. Шебалин, М. Царев, С. Гиацинтова, А. Попов, И. Ильинский, Ю. Олеша, Л. Безыменский, С. Юткевич, Л. Свердлин, М. Астангов.**

Вскоре приговор Военной коллегии был отменен, и дело «за отсутствием состава преступления» прекращено. Имя Всеволода Мейерхольда было возвращено народу.

ПОПРАВКА

В прошлом выпуске «Дела №» от 18 декабря допущена неточность. В материале «Ария для маньяка» вместо «участковый уполномоченный Малышев» следует читать «участковый уполномоченный Николай Бюличенко». Приносим извинения за ошибку.